

Гастон Леру

ПРИЗРАК ОПЕРЫ

Художник
Кюха

Гастон Леру
Призрак Оперы
Серия «Мастера
корейской иллюстрации»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73968122

*Призрак Оперы:
ISBN 978-5-17-183289-6*

Аннотация

Таинственный Призрак, обитающий в стенах парижской Гранд-Опера, пленяет юную певицу Кристину Дое своим божественным голосом – и своей пугающей любовью.

Романтическая история о красоте, одиночестве и одержимости в изысканных иллюстрациях корейского художника Кюха.

Для широкого круга читателей.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие,	14
Глава 1	23
Глава 2	42
Глава 3,	61
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Гастон Леру

Призрак Оперы

##

Le Fantome de l'Opera

Illustrations © 2012 ## (Kyo Ha). All rights reserved.

Russian Translation Copyright © 2026 by AST PUBLISHER

LTD

Russian edition is published by arrangement with Geuldam
Publishing Co.

through BC Agency, Seoul

© Нина Световидова, перевод, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Кристина Дое

Оперная певица с чистой и непорочной душой.

Она любит Рауля, с которым ее связывают прекрасные воспоминания детства, но после встречи с Призраком Оперы ей приходится скрывать свои чувства.

Мужчина, живущий в тайном убежище в подвале оперного театра.

Призрак Оперы

У него божественный голос и огромный талант, но из-за своего уродливого лица он носит маску и живет в укрытии.

Он так сильно любит Кристин, что похищает ее.

Рауль де Шаньи

Виконт.

Еще один мужчина, который влюблен в Кристин.

Он обладает нежной и чувственной душой.

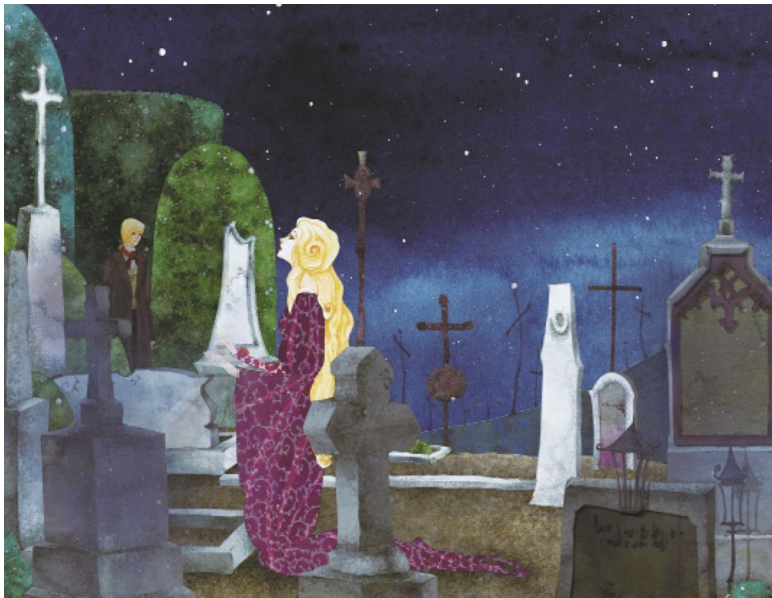
Когда Кристин, которой он восхищался с детства, похищает Призрак Оперы, он рискует жизнью, чтобы спасти ее.

Завеса тайны приоткрывается над историей, где загадочные события, окутавшие этих людей, сплетаются во-едино с отчаянными судьбами.

Так рождается нечто пугающее и одновременно притягательное.

«Она опустилась на колени перед надгробием отца, перекрестилась и начала читать молитву. И в этот самый момент наступила полночь – едва прозвучал последний удар колокола,

*Кристин подняла взгляд к небу
и, словно впад в транс, протянула руку.*

Мне стало любопытно, зачем она это делает, и я тоже поднял голову.»

Моему приятелю Жо, который,
конечно же, не призрак и тем не менее, подобно Эрику, –

самый настоящий
Ангел музыки.

С искренней любовью, Гастон Леру

Предисловие, в котором автор этого необычного произведения рассказывает читателю, каким образом ему довелось удостовериться в том, что Призрак Оперы действительно существовал

Призрак Оперы существовал. Он не был, как долгое время думали, порождением воображения артистов и суеверия директоров, беспочвенной выдумкой разгоряченных умов девиц из кордебалета и их мамаш, билетерш, служащих гардероба и консьержки.

Нет, он существовал во плоти, хотя и придавал себе видимость самого настоящего призрака, то есть тени.

Как только я стал наводить справки в архиве Национальной академии музыки¹, меня с самого начала поразило удивительное совпадение странных явлений, которые связывали с присутствием Призрака, и событий, сопутствовавших одной из самых таинственных и фантастических драм, и вскоре

¹ Французский оперный театр в Париже.

я пришел к мысли о том, что можно, вероятно, разумно объяснить одно с помощью другого. От всего случившегося нас отделяет не больше тридцати лет, и было бы совсем нетрудно даже сегодня найти в самом танцевальном фойе весьма почетных старцев, в чьих словах никто не посмеет усомниться, которые доподлинно вспомнят, словно все это происходило вчера, подробности загадочных и трагических обстоятельств, сопровождавших похищение Кристины Дое, исчезновение виконта де Шаньи и смерть его старшего брата графа Филиппа, чье тело обнаружили на берегу озера, находящегося в подвальной части театра Оперы со стороны улицы Скриба. Но до сего дня ни один из свидетелей не додумался заподозрить в причастности к этой ужасной истории персонажа, можно сказать, легендарного – Призрака Оперы.

Истина медленно прокладывала себе путь сквозь строй моих мыслей, смущенных расследованием, то и дело наткнувшись на явления, которые на первый взгляд вполне можно отнести к разряду потусторонних, и я уже готов был отказаться от предпринятого мной труда, ибо, изнемогая, преследовал призрачный образ, ни разу так и не поймав его.

Но в конце концов мне удалось получить доказательство того, что мои предчувствия не обманули меня, и однажды я был вознагражден за свои усилия, удостоверившись, что Призрак Оперы отнюдь не был тенью.

В тот день я много часов провел, склонившись над «Мемуарами одного директора», легкомысленным творением

великого скептика Моншармена, который за время своего недолгого пребывания в Опере так и не сумел разобраться в тайнах, окружавших Призрака, и даже имел неосторожность потешаться над ними в тот самый момент, когда сам стал жертвой прелюбопытной финансовой операции, свершившейся внутри «колдовского конверта».

Отчаявшись, я вышел из библиотеки и вдруг встретил премилого администратора нашей Национальной академии, болтавшего на лестничной площадке с очень живым, кокетливым старичком, которого он тут же с удовольствием и представил мне. Господин администратор был в курсе моих исследований и знал, с каким нетерпением я понапрасну пытался отыскать убежище господина Фора, судебного следователя по знаменитому делу Шаньи. Никто не ведал, что с ним случилось, жив он или умер, и вот теперь, по возвращении из Канады, где он, как выяснилось, провел пятнадцать лет, бывший судебный следователь первым делом отправился в секретариат парижской Оперы, чтобы получить право на бесплатное место. Ибо этот старичок и был господином Форм.

Большую часть вечера мы провели вместе, он рассказал мне все, что знал о деле Шаньи. За отсутствием доказательств ему в свое время пришлось признать безумие виконта и смерть его старшего брата результатом несчастного случая, однако он не сомневался, что между братьями произошла страшная драма из-за Кристины Дое. Но он так и не смог

сказать мне, что случилось с Кристиной и виконтом. Когда же я завел речь о Призраке, он только посмеялся над этим. Хотя тоже был в курсе явлений, которые, казалось, свидетельствовали о существовании некоего исключительного человека, избравшего местом своего жительства один из самых таинственных уголков театра Оперы; ему также была известна история с «конвертом», однако во всем этом он не усмотрел ничего такого, что могло бы привлечь внимание должностного лица, которому поручили расследовать дело Шаньи, и потому едва выслушал показание одного свидетеля, явившегося по собственному почину, дабы заявить, что ему не раз доводилось встречаться с Призраком.

Персонаж этот, то есть свидетель, был не кто иной, как Перс – так весь Париж называл человека, которого хорошо знали завсегдатаи Оперы.

Следователь принял его за ясновидца.

Вы, конечно, понимаете, что меня страшно заинтересовала история с Персом.

Мне хотелось отыскать, если это еще было возможно, столь ценного и самобытного свидетеля. Удача сопутствовала мне, и я нашел его в маленькой квартирке на улице Риволи, где он и проживал с тех самых пор и где скончался через пять месяцев после моего визита.

Поначалу я отнесся к нему с недоверием, но когда Перс с детским простодушием рассказал все, что ему лично было известно о Призраке, и передал мне в полную собственность

доказательства его существования, в том числе и странные письма Кристины Дое, письма, проливавшие ослепительный свет на ее ужасную судьбу, я уже не имел оснований сомневаться! Нет! Нет! Призрак не был мифом!

Я прекрасно знаю: мне ответят, что письма эти, возможно, вовсе не были подлинными, что они могли быть подделаны мужчиной, чье воображение наверняка питалось самыми обворожительными сказками, однако мне посчастливилось отыскать почерк Кристины, причем отнюдь не в пресловутой пачке писем, и, следовательно, заняться сравнительным изучением, которое избавило меня от всяких сомнений.

Кроме того, я навел справки относительно Перса и обнаружил, что он – человек честный, неспособный на какую-либо махинацию, которая могла бы ввести в заблуждение правосудие.

Впрочем, таково мнение самых именитых персон, причастных в какой-то мере к делу Шаньи и бывших друзьями этого семейства; я познакомил их со всеми своими документами, изложив те выводы, к которым пришел. С их стороны я получил благороднейшее поощрение и позволю себе в связи с этим привести лишь несколько строк, адресованных мне генералом Д.

«Сударь!

Сумею ли я уговорить вас предать гласности результаты вашего расследования? Я отлично помню, что за несколько недель до исчезновения великой

певицы Кристины Дое и разразившейся затем драмы, которая повергла в траур все предместье Сен-Жермен, в танцевальном фойе много было разговоров о Призраке, и думается, что говорить о нем перестали лишь из-за этого дела, завладевшего тогда всеми умами. Однако, если возможно – а выслушав вас, я полагаю, что это именно так, – найти объяснение драмы при помощи Призрака, прошу вас, сударь, напомните нам снова о Призраке. Каким бы таинственным ни казался он поначалу, понять его все-таки легче, нежели ту мрачную историю, в которой злонамеренные люди пожелали усмотреть лишь смертельный раздор двух братьев, на самом деле обожавших друг друга всю жизнь...

Примите уверения и пр.».

И вот, с моим досье в руках я снова исследовал обширные владения Призрака, гигантский монумент, где он основал свою империю, и все, что представало моим глазам, все, что открывал мой разум, неоспоримо подтверждало документацию Перса, а в довершение мои труды увенчала чудесная находка, положившая конец любым сомнениям.

Вы помните, как совсем недавно, когда копали в подвалах театра Оперы, дабы разместить там записанные на фонографе голоса артистов, кирка рабочих наткнулась на труп, так вот, я сразу же получил подтверждение тому, что это был труп Призрака Оперы. Я заставил удостовериться в том са-

мого администратора, и теперь мне совершенно безразлично, что в газетах пишут, будто найдена одна из жертв Парижской коммуны.

Несчастные, погибшие в подвалах Оперы во времена коммуны, погребены в другой стороне; я скажу, где можно отыскать их скелеты: очень далеко от этого гигантского склепа, куда во время осады свозили всевозможные съестные припасы. Я напал на этот след в поисках останков Призрака Оперы, которые мне не удалось бы обнаружить, если бы не столь неслыханный случай захоронения живых голосов!

Но мы еще поговорим об этом трупе и о том, как следует с ним поступить. Теперь же хотелось бы завершить столь необходимое предисловие, поблагодарив скромных второстепенных персонажей, таких как комиссар полиции господин Мифруа (в свое время первым призванный констатировать исчезновение Кристины Дое), бывший секретарь господин Реми, бывший администратор господин Мерсье, бывший хормейстер господин Габриель и в особенности баронесса де Кастело-Барбезак, некогда звавшаяся «крошкой Мег» (и не стыдящаяся этого), самая очаровательная звезда нашего восхитительного кордебалета, старшая дочь почтенной госпожи Жири – ныне покойной, – бывшей билетерши ложи Призрака, все они оказали мне посильную помощь, и благодаря им я вместе с читателем в мельчайших подробностях вновь смогу пережить минуты чистой любви и неска-

занного ужаса².

² Я был бы неблагодарным, если бы, предваряя эту страшную и правдивую историю, не воздал бы должное нынешней дирекции театра Оперы, столь любезно согласившейся на мои изыскания, и, в частности, господину Мессаже, а также очень симпатичному администратору господину Габьону и очень любезному архитектору, в обязанности которого входит полная сохранность монументального здания, он без малейшего колебания предоставил в мое распоряжение работы Шарля Гарнье, будучи почти уверенным, что я их не верну. И наконец, мне остается публично признать великодушие моего друга и бывшего моего сотрудника господина Ж.-Л. Кроза, позволившего мне пользоваться его изумительной театральной библиотекой и брать у него уникальные издания, которыми он очень дорожил. *Г. Л.*

Глава 1

Неужели это призрак?

Тем вечером, когда господин Дебьенн и господин Полиньи, подавшие в отставку директора театра Оперы, устраивали по случаю своего ухода прощальное торжество, примерную Сорелли, одной из лучших представительниц танца, внезапно заполонили с полдюжины девиц кордебалета. Станцевав «Полидевка», они устремились туда в величайшем смятении: одни неестественно громко смеялись, другие кричали от ужаса.

Сорелли, желавшая побыть какое-то время одна, дабы «повторить» приветственную речь, которую вскоре ей предстояло произнести в фойе в адрес господина Дебьенна и господина Полиньи, с досадой увидела эту ошалевшую толпу, ворвавшуюся вслед за ней. Повернувшись к своим подругам, она спросила о причине столь бурного волнения. И тогда крошка Жамм – носик, дорогой сердцу Гревена³, небесно-голубые глазки, розовые щечки, лилейная грудка – объяснила эту причину дрожащим от страха голосом:

– Призрак! – И заперла дверь на ключ.

Гриимерная Сорелли отличалась формальным и, пожалуй,

³ Гревен Альфред (1827–1892) – французский художник, основавший в Париже в 1882 г. музей восковых фигур.

весьма банальным изяществом. Высокое зеркало на ножках, диван, туалетный столик и шкафы составляли необходимую обстановку. На стенах – несколько гравюр: память о матери, знававшей прекрасные дни в прежней Опере на улице Лепелетье. Портреты Вестри, Гарделя, Дюпона, Биготтини. Эта гримерная казалась дворцом девочкам из кордебалета, размещавшимся в общих комнатах, где они проводили время, распевая, ссорясь, награждая тумачами парикмахеров и костюмерш и угощаясь черносмородиновой наливкой или пивом, а то и ромом, пока не прозвучит предупредительный звонок.

Сорелли была очень суеверна. Услышав слова крошки Жамм о Призраке, она, вздрогнув, молвила:

– Вот дурочка! – И, так как сама первая была готова поверить в призраков вообще и в Призрака Оперы в частности, пожелала сразу же все выяснить. – Вы видели его? – спросила Сорелли.

– Как вижу вас сейчас! – простонала крошка Жамм и упала на стул, не в силах больше держаться на ногах.

И тотчас крошка Жири – глаза-черносливенки, волосы как смоль, лицо смуглое, а сама – кожа да косточки – добавила:

– Если это он, то очень уж безобразен!

– О да! – хором подхватили танцовщицы и заговорили все разом.

Призрак предстал перед ними в виде господина в черном

фраке, который вырос вдруг в коридоре, неизвестно откуда взявшись. Его появление было столь внезапно, что, казалось, он вышел из стены.

– Ах! – не выдержала одна из девиц, сохранявшая в какой-то мере хладнокровие. – Вам всюду мерещится Призрак.

И в самом деле, вот уже несколько месяцев в Опере все толковали об этом призраке в черном фраке, который разгуливал по всему зданию сверху донизу, ни с кем не разговаривая. Да к нему никто и не решался обратиться, к тому же стоило его увидеть, и он тут же исчезал, неведомо куда и как. Шагов его не было слышно – обычное дело для любого настоящего призрака. Поначалу все только веселились, насмехаясь над этим привидением в одежде светского человека или служащего похоронного бюро, однако вскоре легенда о Призраке приобрела в кордебалете колоссальный размах. Танцовщицы уверяли, будто сталкивались с этим сверхъестественным существом, становясь жертвами его злых чар. И те, кто громче всех смеялся, отнюдь не были самыми бесстрашными. Даже оставаясь невидимым, Призрак давал знать о своем присутствии то смешными, а то зловещими событиями, которые едва ли не всеобщее суеверие приписывало именно его влиянию. Случилось какое-нибудь несчастье, подружка подшутила над одной из девиц кордебалета, пропала пуховка для рисовой пудры? Во всем виноват был Призрак, Призрак Оперы!

А по сути, кто его видел? В Опере столько черных фра-

ков, и это вовсе не обязательно призраки. Однако у того была одна особенность, не присущая остальным черным фраккам. Под ним скрывался скелет.

Во всяком случае, так говорили девицы.

И вместо головы, разумеется, был череп.

Насколько этому можно было верить? Истина заключалась в том, что представление о скелете возникло после описания Призрака, сделанного Жозефом Бюке, старшим машинистом сцены, который действительно его видел. Он столкнулся – нельзя сказать «нос к носу», ибо у Призрака такового не было – с таинственным персонажем на маленькой лестнице, которая от рампы ведет непосредственно «в низы», в подвалы. Бюке успел заметить его в считанные доли секунды – ибо Призрак бросился бежать – и сохранил об этой встрече неизгладимое воспоминание.

Вот что рассказывал о Призраке Жозеф Бюке любому, кто готов был его выслушать:

«Он чудовищной худобы, и черный фрак болтается на нем, как на скелете. А глаза так глубоко запали, что с трудом можно различить неподвижные зрачки. И, в общем-то, видны лишь две огромных черных дыры, словно на черепе у мертвецов. Кожа, которая натянута на кости, как на барабан, вовсе не белая, а безобразно желтая; нос такой малюсенький, что в профиль совсем незаметен, *отсутствие* носа – вещь ужасная *на вид*. Три или четыре длинные темные пряди на лбу и за ушами – вот и вся шевелюра».

Напрасно Жозеф Бюке кинулся вдогонку за этим странным видением. Оно исчезло, словно по волшебству, и старший машинист сцены не сумел отыскать его следов.

Он был человеком серьезным, степенным, непьющим и не отличался живым воображением. Его словам внимали с изумлением и интересом, и тут же нашлись такие, кто стал утверждать, будто и они тоже видели черный фрак с черепом вместо головы.

Люди разумные, до которых дошел слух об этой истории, заявили сначала, что Жозеф Бюке стал жертвой одного из своих подчиненных, подшутившего над ним. Но затем последовали столь странные и необъяснимые события, что и умники заколебались.

Лейтенант-пожарный, безусловно, – человек отважный. Он ничего не боится и, главное, не боится огня!

Так вот этот самый лейтенант-пожарный⁴, который отправился с обходом в подвалы и, судя по всему, зашел дальше обычного, внезапно снова появился на сцене – бледный, растерянный, с выпученными глазами, дрожащий в испуге – и едва не лишился чувств, упав на руки благородной мамыши крошки Жамм. А почему? Да потому, что увидел приближавшуюся к нему *на уровне головы, но только без туловища, огненную голову!* Хотя лейтенант-пожарный, как известно, огня не боится.

⁴ Эту историю, тоже вполне достоверную, мне рассказал сам господин Педро Гелар, бывший директор Оперы. (Примеч. авт.)

Звали лейтенанта-пожарного Папен.

Кордебалет был потрясен. Прежде всего эта огненная голова ни в коей мере не соответствовала описанию Призрака, данному Жозефом Бюке. Пожарного засыпали вопросами, потом еще раз расспросили старшего машиниста сцены, после чего девицы пришли к выводу, что у Призрака, видимо, несколько голов и он меняет их как вздумается. Они, естественно, тотчас вообразили, что подвергаются величайшей опасности. Раз уж лейтенант-пожарный едва не лишился чувств, то что тут говорить о кордебалете: и у корифеев, и у молоденьких фигуранток, именуемых мышками, нашлось немало оправданий тому ужасу, который заставлял их бежать со всех ног, когда они оказывались у темной дыры какого-нибудь плохо освещенного коридора.

А посему, дабы уберечь прославленное сооружение от ужасных колдовских козней, Сорелли в окружении всех танцовщиц и даже мелюзги младших классов в трико на другой день после истории с лейтенантом-пожарным самолично положила на стол привратника в вестибюле, расположенном рядом с административным двором, подкову, до которой любому, кто входил в Оперу не в качестве зрителя, надлежало дотронуться, прежде чем ступить на первую ступеньку лестницы. Иначе легко было стать добычей таинственных сил, завладевших зданием от подвалов до чердачных помещений!

Подкову эту, как, впрочем, и всю историю целиком, я –

увы! – не выдумал: ее и сегодня можно увидеть на столе в вестибюле возле комнаты привратника, если войти в Оперу через административный двор.

Таково вкратце было состояние умов этих девиц в тот вечер, когда мы вместе с ними проникли в примерную Сорелли.

– Призрак! – воскликнула, стало быть, крошка Жамм.

Беспокойство танцовщиц все возрастало. В примерной воцарилось тревожное молчание. Не слышно было ничего, кроме прерывистого дыхания. Наконец Жамм с выражением неподдельного ужаса бросилась в самый дальний угол и, прислонившись к стене, прошептала одно лишь слово:

– Слушайте!

И в самом деле, всем почудилось, будто за дверью раздался какой-то шорох. Но шагов не было слышно. Казалось, прошелестел легкий шелк, задев дверную филенку. И все.

Сорелли попыталась выглядеть менее трусливой, чем ее подруги. Подойдя к двери, она спросила слабым голосом:

– Кто там?

Но ей никто не ответил.

Тогда, чувствуя на себе пристальные взгляды, следившие за каждым ее движением, она заставила себя быть храброй и очень громко сказала:

– Есть кто-нибудь за дверью?

– О да! Да! Наверняка за дверью кто-то есть! – вскрикнула эта сушеная слива Мег Жири, геройски схватив Сорелли

за газовую юбку. – Только не открывайте! Боже мой, не открывайте!

Но Сорелли, вооружившись стилетом, с которым никогда не расставалась, отважилась повернуть ключ в замочной скважине и открыть дверь, в то время как танцовщицы отпрянули назад, а кое-кто даже укрылся в туалете, и Мег Жирри со вздохом прошептала:

– Мама! Мама!

Сорелли бесстрашно выглянула в коридор. Там было пусто; язычок пламени отбрасывал из своего стеклянного заточения неверный красный отблеск среди окружающего мрака, не рассеивая его. И танцовщица со вздохом облегчения поспешно закрыла дверь.

– Нет, – сказала она, – никого нет!

– А между тем мы все его видели! – снова заявила Жамм, боязливо занимая свое место возле Сорелли. – Должно быть, он бродит где-то там. Я ни за что не пойду переодеваться. Мы сейчас все вместе спустимся в фойе для «приветствия», а потом все вместе поднимемся.

С этими словами девочка благоговейно коснулась крохотного коралла, призванного отводить от нее беду. А Сорелли кончиком розового ногтя большого пальца правой руки украдкой нарисовала Андреевский крест на деревянном кольце, надетом на безымянный палец ее левой руки.

«Сорелли, – писал знаменитый журналист, – великая балерина, красавица со строгим и чувственным лицом, с похожей на ивовую ветку гибкой талией; ее обычно называют

«прекрасным созданием». Светлые, чистого золота волосы обрамляют матовый лоб, а глаза сияют, словно два изумруда. Голова ее, будто султан, слегка покачивается на длинной, изящной, горделивой шее. Во время танца для нее характерно особое, неопишное движение бедер, отчего по всему ее телу пробегает несказанной томности дрожь. Когда она поднимает руки и склоняется, собираясь начать пируэт, подчеркивая тем самым линию лифа, а наклон туловища в это время вырисовывает бедро этой прелестной женщины, подобное зрелище, по общему мнению, способно заставить человека пустить себе пулю в лоб и распроститься с мозгами».

Кстати о мозгах: считается доказанным, что у нее их вовсе не было. Но ей это не ставили в упрек.

– Дети мои, – снова обращается Сорелли к маленьким танцовщицам, – не пора ли опомниться!.. Призрак? Никто его, возможно, никогда не видел!..

– Нет-нет! Мы видели!.. Только что видели! – возразили крошки. – Он был во фраке и с черепом вместо головы, как в тот вечер, когда явился Жозефу Бюке!

– И Габриель тоже его видел! – добавила Жамм. – Не далее как вчера! Вчера после обеда, среди бела дня.

– Габриель, хормейстер?

– Ну да... Как! Вы этого не знали?

– И он был во фраке среди бела дня?

– Кто? Габриель?

– Да нет! Призрак!

– Конечно, во фраке! – заявила Жамм. – Сам Габриель мне это сказал. Потому-то он его и узнал. Вот как это случилось. Габриель находился в кабинете управляющего. Вдруг дверь распахнулась. И вошел Перс. А у Перса, сами знаете, «дурной глаз».

– Да, верно! – хором вторили маленькие танцовщицы и, представив себе образ Перса, тут же показали рожки Судьбе, вытянув указательный палец и мизинец, в то время как согнутые средний и безымянный пальцы прижимались к ладони большим.

– А Габриель такой суеверный! – продолжала Жамм. – Хотя всегда отменно вежлив и, когда видит Перса, просто преспокойно кладет руку в карман, чтобы потрогать ключи. Так вот, как только открылась дверь перед Персом, Габриель вскочил с кресла, на котором сидел, и бросился к замочной скважине в шкафу, чтобы успеть дотронуться до железа! По дороге, зацепившись за гвоздь, он разорвал полу своего пальто. А поторопившись уйти, ударился лбом о вешалку и набил огромную шишку; потом, попятившись внезапно, задел рукой за ширму у пианино; хотел опереться на пианино, но до того неудачно, что крышка упала ему на руки, прищемив пальцы; как сумасшедший, выбежал он из кабинета и, наконец, зашпешив, спускаясь по лестнице, пересчитал спиной все ступеньки второго этажа. Я как раз проходила мимо вместе с мамой. Мы кинулись поднимать его. Он сильно расшибся, все лицо было в крови, мы даже испугались. Но он

сразу заулыбался, воскликнув: «Благодарю тебя, Господи, за то, что так легко отделался!» Тут мы стали расспрашивать его, и он рассказал нам о своих страхах. А испугался-то он потому, что за спиной Перса стоял Призрак! *Призрак с черепом вместо головы*, каким описывал его Жозеф Бюке.

Конец истории, которую, с трудом переводя дух, торопливо, словно за ней гнался Призрак, поведала Жамм, встретили испуганным шепотом. И снова наступило молчание, которое нарушила крошка Жири, а Сорелли тем временем взволнованно полировала ногти.

– Жозефу Бюке лучше бы помолчать, – заявила сушеная слива.

– А почему он должен молчать?

– Так считает мама... – ответила Мег на этот раз едва слышно, оглядываясь по сторонам, словно опасаясь, что ее могут услышать другие уши, кроме тех, что находились рядом.

– А почему твоя мама так считает?

– Тише! Мама говорит, что Призрак не любит, когда ему досаждают!

– А почему твоя мама говорит это?

– Да потому что. Потому что ничего особенного...

Такая искусная уклончивость разожгла любопытство девиц, и они, окружив крошку Жири плотным кольцом, обуреваемые ужасом, склонились в едином порыве, умоляя ее объясниться. Заражая друг друга страхом, они получали

острое удовольствие, от которого кровь стыла в жилах.

– Я поклялась ничего не рассказывать! – еле слышно пролепетала Мег.

Но они не оставляли ее в покое, истово пообещав хранить секрет, и Мег, горевшая желанием поведать то, что знала, начала в конце концов, не спуская глаз с двери:

– Так вот, это все из-за ложи...

– Какой ложи?

– Ложи Призрака!

– У Призрака есть ложа?

При мысли, что Призрак имеет собственную ложу, танцовщицы не могли сдержать охватившего их жуткого восторга, удивлению их не было предела. Они только вздыхали, повторяя: «Ах, боже мой! Рассказывай... Рассказывай...»

– Потише! – приказала Мег. – Это ложа первого яруса, да вы знаете, ложа номер пять на первом ярусе, у самой сцены с левой стороны.

– Не может быть!

– Точно вам говорю. А билетершей там – моя мама... Но вы клянетесь ничего не рассказывать?

– Ну конечно! Дальше!..

– Так вот, это и есть ложа Призрака... Туда больше месяца никто не приходил, кроме Призрака, разумеется, и в администрацию отдали распоряжение никому ее не сдавать...

– И Призрак действительно туда приходит?

– Ну конечно...

– Стало быть, кто-то все-таки приходит?

– Да нет же!.. *Приходит Призрак, но там никого нет.*

Крошки-танцовщицы переглянулись. Если Призрак являлся в ложу, его должны были видеть, раз на нем был черный фрак, а вместо головы – череп. Они попытались втолковать это Мег, но та возразила:

– В том-то и дело! Призрака не видно! У него нет ни фрака, ни головы!.. Все, что рассказывали о черепе и огненной голове, выдумки! Ничего такого у него нет... Его только можно слышать, когда он в ложе. Мама никогда его не видела, но зато слышала. Уж мама-то знает, ведь это она приносит ему программу.

Сорелли сочла своим долгом вмешаться:

– Жири, ты смеешься над нами?

Тут крошка Жири заплакала.

– Лучше бы я молчала. Если мама когда-нибудь узнает!..

И все-таки Жозеф Бюке напрасно лезет не в свое дело, что верно, то верно. Ему это принесет несчастье... Мама еще вчера вечером говорила...

В эту минуту в коридоре послышались тяжелые торопливые шаги и громкий голос:

– Сесиль! Сесиль! Ты здесь?

– Это мамин голос! – сказала Жамм. – Что случилось? –

И она открыла дверь.

Почтенная дама, скроенная наподобие померанского гренадера, ринулась в примерную и со стоном упала в кресло.

Она в страхе таращила глаза, придававшие мрачное выражение ее лицу цвета обожженного кирпича.

– Какое несчастье! – проговорила она. – Какое несчастье!

– В чем дело? В чем дело?

– Жозеф Бюке...

– Ну что там с Жозефом Бюке?

– Жозеф Бюке умер!

Гримерная наполнилась удивленными возгласами, испуганными требованиями разъяснения...

– Да. Его только что нашли повешенным в третьем подвале!.. *Но самое ужасное*, – задыхаясь, продолжала несчастная почтенная дама, – *самое ужасное то, что машинисты сцены, которые обнаружили его тело, уверяют, будто возле трупа слышны были какие-то звуки, похожие на погребальное пение!*

– Это Призрак! – невольно вырвалось у крошки Жири, однако она тут же опомнилась и закрыла рот руками: – Нет!.. Нет!.. Я ничего не сказала!.. Я ничего не сказала!..

Вокруг нее все подружки тихонько повторяли в ужасе:

– Так и есть! Это Призрак!..

Сорелли побледнела...

– Ни за что я не сумею произнести приветственную речь, – молвила она.

Мамаша Жамм, осушив забытую на столе рюмку ликера, тоже высказала свое мнение: тут наверняка замешан Призрак...

Истина же заключается в том, что никто так никогда и не узнал, как умер Жозеф Бюке. Расследование, довольно поверхностное, не дало никаких результатов, если не считать вывода о *естественном самоубийстве*. В «Мемуарах одного директора» господин Моншармен, один из двух директоров, сменивших господина Дебьенна и господина Полиньи, так описывает случай с повешенным:

«Прискорбный инцидент нарушил небольшое торжество, устроенное господином Дебьенном и господином Полиньи по случаю их ухода. Я находился в директорском кабинете, когда туда внезапно вошел Мерсье – администратор. Он в панике сообщил мне, что в третьем подвальном этаже под сценой, между стропильной фермой и декорациями «Короля Лагорского», обнаружено тело одного машиниста сцены.

«Надо пойти снять его!» – воскликнул я.

Но пока я бегом спустился по ступенькам, а потом по приставной лестнице, у повесившегося уже не оказалось веревки!»

Вот, стало быть, какое событие господин Моншармен считает естественным. Человек висит на веревке, его собираются снять, а веревка исчезает. О! Господин Моншармен нашел тому весьма простое объяснение. Послушайте его:

«Тут как раз закончился танец, и корифеи с мышками поспешили принять меры предосторожности от сглаза». Небольшой штрих, и только. Вы представляете себе девочек кордебалета, которые спускаются по приставной лестнице и

делят между собой веревку повесившегося быстрее, чем это можно описать? Несерьезно! Зато когда я обдумываю, в каком точно месте было найдено тело – в третьем подвальном этаже под сценой, – на ум мне приходит, что, возможно, у кого-то был интерес, чтобы эта веревка, сделав свое дело, исчезла. И позже мы увидим, прав ли я был, предположив такое...

Мрачная новость быстро распространилась по всему зданию Оперы, сверху донизу: ведь Жозефа Бюке здесь очень любили. Гримерные опустели, и молоденькие танцовщицы, собравшись вокруг Сорелли, словно испуганные овцы вокруг пастуха, направились в фойе по плохо освещенным лестницам и коридорам, торопливо семеня своими розовыми лапками.

Глава 2

Новая Маргарита

На первой площадке Сорелли столкнулась с поднимавшимся графом де Шаньи. Граф, обычно такой сдержанный, не скрывал своего восторженного волнения.

– Я шел к вам, – сказал граф, весьма галантно приветствуя молодую женщину. – Ах, Сорелли! Какой прекрасный вечер! А Кристина Дое... Какой триумф!

– Не может быть! – возмутилась Мег Жири. – Всего полгода назад она пела так, что уши вяли! Однако позвольте нам пройти, дорогой граф, – сказала девочка с шаловливым реверансом, – мы хотим узнать новости о несчастном человеке, которого нашли повесившимся.

Услыхав ее слова, проходивший мимо озабоченный администратор внезапно остановился.

– Как! Вам уже об этом известно, мадемуазель? – спросил он довольно резким тоном. – Ну что ж, только никому не говорите, в особенности господину Дебьенну и господину Полиньи, они ничего не должны знать! Их это сильно расстроит – в последний-то день!

Все направились к танцевальному фойе, уже заполненному людьми.

Граф де Шаньи оказался прав: ни одно торжество нель-

зя было сравнить с этим. Те, кому посчастливилось присутствовать на нем, до сих пор с волнением рассказывают о своих впечатлениях детям и внукам. Еще бы: Гуно, Рейер, Сен-Санс, Массне, Гиро, Делиб по очереди вставали за пульт и самолично дирижировали своими произведениями. Среди прочих звезд следует назвать Фора и Краусс, а кроме того, именно в тот вечер удивленному и очарованному всему Парижу явила себя в полном блеске та самая Кристина Дое, о таинственной судьбе которой я хочу поведать в этом произведении.

Гуно исполнил «Траурный марш»; Рейер – свою прекрасную увертюру к «Сигурду»; Сен-Санс – «Танец смерти» и «Восточные грезы»; Массне – никогда не звучавший раньше «Венгерский вальс»; Гиро – свой «Карнавал»; Делиб – «Медленный вальс Сильвии» и пиццикато из «Коппелии». Пели мадемуазель Краусс и Дениза Блох, первая – болеро из «Сицилийской вечерни», вторая – застольную из «Лукреции Борджиа».

Но истинный триумф выпал на долю Кристины Дое, исполнившей сначала несколько отрывков из «Ромео и Джульетты». Молодая артистка впервые пела это произведение Гуно, которое, впрочем, еще не было перенесено на сцену Оперы, а лишь восстановлено в «Опера комик» спустя долгое время после того, как было поставлено госпожой Карвало в бывшем «Театре лирик». Ах! Остается лишь пожалеть тех, кто не слышал Кристину Дое в роли Джульетты, не видел

ее наивной грации, не содрогался при звуках ее ангельского голоса, не ощущал, как собственная душа вместе с ее душой устремляется ввысь над могилами веронских любовников:

«Господь, прости меня!»

Но все это ничто по сравнению с неземными интонациями, зазвучавшими в сцене тюрьмы и финального трио «Фауста», где она пела, заменив почувствовавшую недомогание Карлотту. Никто никогда не слыхивал и не видывал ничего подобного!

То была «новая Маргарита», которую раскрыла Дое, Маргарита небывалого великолепия и блеска.

Весь зал *целиком*, охваченный необычайным волнением, восторженными криками приветствовал рыдавшую Кристину, без сил упавшую на руки своих товарищей. Пришлось отнести ее в гримерную. Казалось, она отдала богу душу. Известный критик П. де Ст.-В. запечатлел незабываемое воспоминание об этой чудесной минуте в статье, которую так и назвал – «Новая Маргарита». Будучи сам великим артистом, он просто-напросто поделился своим открытием: это прекрасное и нежное дитя подарило в тот вечер зрителям не только свое искусство, но и сердце. А любому из приверженцев Оперы было известно, что сердце Кристины оставалось столь же чистым, как в пятнадцать лет, и П. де Ст.-В. заявлял:

«Дабы понять, что же произошло с Дое, приходится сделать вывод, что она впервые полюбила! Возможно, я проявляю нескромность, – добавлял он, – но лишь любовь способна сотворить подобное чудо, совершив ошеломляющее преобразование. Два года назад мы слышали Кристину Дое на конкурсном экзамене в консерватории, она вселила в нас надежду. Но откуда сегодня взялось это возвышенное величие? Если оно не снизошло с небес на крыльях любви, мне остается думать, что оно послано адом и что Кристина, вроде мошенника Офтердингена, заключила договор с самим дьяволом! Тот, кто не слышал Кристину в финальном трио «Фа-

уста», понятия не имеет о «Фаусте»: только восторженный голос и священное упоение чистой души не смогли бы достигнуть таких высот!»

Между тем некоторые зрители возмущались. Как могли скрывать от них подобное сокровище? До сих пор Кристина Дое была всего лишь приемлемым Зибелем рядом с чересчур заземленной блистательной Маргаритой Карлотты. И понадобилось непонятное, необъяснимое отсутствие Карлотты на праздничном гала-концерте, чтобы в той части программы, которая отводилась для испанской дивы, малютка Дое без всякой подготовки показала, на что она способна. И почему, лишившись Карлотты, господин Дебьенн и господин Полиньи обратились к Дое? Стало быть, они знали о ее скрытом даровании? А если знали, почему таили его? А она, почему она таила его? Вещь странная, но в настоящий момент у нее, как известно, не было учителя. Она не раз заявляла, что отныне будет работать одна. Все это было непостижимо.

Граф де Шаньи присутствовал при восторженном исступлении зала и, стоя в своей ложе, присоединял оглушительные браво к общим аплодисментам.

Графу де Шаньи (Филиппу Жоржу Мария) исполнился сорок один год. Это был настоящий вельможа и статный мужчина. Ростом выше среднего, с приятным, несмотря на суровое выражение и несколько холодный взгляд, лицом, он был изысканно любезен с женщинами и немного высокомерен с мужчинами, не всегда прощавшими ему успехи в свет-

ском обществе. Сердце у него было прекрасное и совесть чиста. После смерти старого графа Филибера он стал главой одного из самых прославленных и старинных семейств Франции, чья родословная восходит к Людовику Сварливому.

Состояние де Шаньи было немалым, и когда старый граф, оставшийся вдовцом, умер, на долю Филиппа выпала нелегкая задача: ему пришлось согласиться взять на себя ответственность распорядиться столь значительным наследством. Две его сестры и брат Рауль и слышать не хотели о разделе имущества, во всем полагаясь на Филиппа, словно право первородства не переставало существовать. Когда обе сестры вышли замуж – в один и тот же день, – то получили свою долю из рук брата не как что-то причитающееся им по праву, а как приданое, за которое они выразили ему свою признательность.

Графиня де Шаньи – урожденная де Мержи де ла Мартиньер – умерла, произведя на свет Рауля, родившегося на двадцать лет позже своего брата. Когда старый граф умер, Раулю было двенадцать лет. Филипп активно занимался воспитанием мальчика. В этой задаче ему старательно помогали сначала сестры, а потом старая тетка, вдова моряка, жившая в Бресте; она-то и привила Раулю вкус ко всему, что связано с морем.

Он поступил в морское училище, закончил его в числе лучших выпускников и преспокойно совершил кругосветное плавание. Благодаря могущественной поддержке его вклю-

чили в состав официальной экспедиции, отправлявшейся на борту «Акулы» на поиски в полярных льдах оставшихся в живых членов экспедиции с «Артуа», о которой не было известий вот уже три года. А пока он предавался радостям длительного отпуска, заканчивавшегося лишь через шесть месяцев, и при виде этого красивого мальчика, казавшегося таким хрупким, престарелые дамы благородного предместья уже жалели его ввиду предстоящих суровых испытаний.

Робость этого моряка и, я бы даже сказал, его невинность бросались в глаза. Казалось, будто он лишь накануне вышел из-под женской опеки. И в самом деле, взлелеянный сестрами и старой теткой, он сохранил неизгладимый след чисто женского воспитания – чуть ли не наивные манеры, безусловно исполненные очарования, которое ничто до сих пор не в силах было заставить потускнеть.

В ту пору ему минул двадцать один год, но выглядел он не старше восемнадцати. У него были светлые усики, прекрасные голубые глаза и девичий цвет лица.

Филипп баловал Рауля, ни в чем ему не отказывая. Прежде всего он гордился им и с радостью предвкушал для младшего брата славную карьеру на флоте, где один из их предков, знаменитый Шаньи де ла Рош, состоял в ранге адмирала. Воспользовавшись отпуском молодого человека, Филипп хотел показать ему Париж, которого тот практически не знал, не имея представления о роскошных радостях и артистических удовольствиях, какие можно было там найти.

Граф полагал, что в возрасте Рауля неразумно быть чересчур благоразумным. Филипп отличался весьма уравновешенным нравом, соблюдая умеренность и в работе и в удовольствиях, он всегда держался безупречно и неспособен был подать брату дурной пример. Он всюду брал его с собой. И привел даже в танцевальное фойе.

Я прекрасно знаю, что все говорили, будто граф состоял «в самых коротких отношениях» с Сорелли. Ну и что! Можно ли вменить в вину этому дворянину, оставшемуся холостым и, следовательно, располагавшему свободным временем, в особенности с тех пор, как сестры его были устроены, что после ужина он проводил час или два в обществе танцовщицы, которая не отличалась, разумеется, умом, но зато имела самые красивые глаза на свете? К тому же существуют места, где истинный парижанин, занимающий положение графа де Шаньи, просто обязан показываться, а в ту пору танцевальное фойе Оперы было одним из таких мест.

Хотя Филипп, возможно, и не повел бы своего брата за кулисы Академии национальной музыки, если бы тот сам несколько раз не просил его об этом с мягкой настойчивостью, о чем графу придется вспомнить впоследствии.

В этот вечер Филипп, поаплодировав Дое, повернулся к Раулю и, заметив его бледность, даже испугался.

– Разве вы не видите, – сказал Рауль, – что этой женщине плохо?

В самом деле, Кристину на сцене пришлось поддержи-

вать.

– Ты и сам, того гляди, лишишься чувств, – заметил граф, наклоняясь к Раулю. – Что с тобой?

Но Рауль уже был на ногах.

– Пойдем, – молвил он дрожащим голосом.

– Куда ты хочешь идти, Рауль? – спросил граф, удивляясь волнению младшего брата.

– Пойдем посмотрим! Ведь она впервые так поет!

Граф с интересом взглянул на брата, и на губах его появилась едва заметная улыбка.

– Вот как! – И он поспешил добавить: – Пойдем! Пойдем!

Вскоре они очутились у входа для абонированных зрителей, где было оченьлюдно. Дожидаясь, когда можно будет проникнуть на сцену, Рауль, не сознавая, что делает, разрывал свои перчатки. Филипп, отличаясь добротой, вовсе не думал смеяться над его нетерпением. Теперь он был осведомлен. Он понял, почему Рауль бывал рассеян, разговаривая с ним, и почему с таким нескрываемым удовольствием всякий раз переводил беседу на оперу.

Они вышли на сцену.

Черные фраки устремлялись к танцевальному фойе либо направлялись к артистическим гримерным. Крики машинистов сцены смешиваются с яростными нареканиями руководителей различных служб. Расходятся статисты из последней картины, безмолвные «фигурантки» толкают вас, кто-то несет штатив, с колосников спускается задник, де-

корации укрепляют оглушительными ударами молотка, вечное «дорогу театру» звучит у вас в ушах, словно предвестие некой катастрофы, грозящей вашему цилиндру, либо крепкого удара в спину, – такова обычная суматоха, сопутствующая антрактам. Она не может не вызвать волнения у новичка вроде молодого человека со светлыми усиками, голубыми глазами и девичьим цветом лица, торопливо, насколько позволяла ему теснота, пересекавшего ту самую сцену, на которой только что с триумфом выступала Кристина Дое и под которой скончался Жозеф Бюке.

Никогда еще не наблюдалось такого смятения, как в тот вечер, но и Рауль утратил свою привычную робость. Крепким плечом он отстранял любое препятствие, встававшее на его пути, не обращая ни малейшего внимания на то, что говорилось вокруг него, и не пытаясь понять растерянные толки машинистов сцены. Им владело одно-единственное желание: увидеть ту, чей волшебный голос отнял у него сердце. Да, он прекрасно сознавал, что его бедное сердце больше не принадлежит ему. Хотя он всеми силами пытался защитить его с того самого дня, когда перед ним вновь предстала Кристина, которую он знал еще совсем маленькой. При виде ее Рауля охватило сладостное волнение, от которого он по зрелом размышлении хотел было избавиться, ибо, испытывая уважение к себе и своей вере, поклялся, что будет любить лишь ту, кто станет его женой, и, разумеется, ни на мгновение не мог подумать, что женится на певице; однако на сме-

ну сладостному волнению пришло ужасное ощущение. Ощущение? Чувство? Трудно сказать: было тут что-то и физическое, и нравственное. Он испытывал боль в груди, словно ее раскрыли, чтобы забрать у него сердце. Ощущал там страшную пустоту, самую настоящую, заполнить которую могло только другое сердце! Таковы симптомы совершенно особого психологического состояния, которые, похоже, могут понять лишь те, кого любовь сразила наповал, нанесла неожиданный удар, именуемый в обыденной жизни «любовь с первого взгляда».

Граф Филипп, по-прежнему улыбаясь, с трудом поспеивал за ним.

Миновав в глубине сцены сдвоенную дверь, которая открывается на ступени, ведущие в фойе, и на те, что ведут к гримерным в левом крыле первого этажа, Рауль вынужден был остановиться перед маленькой группой мышек, которые, спустившись в эту минуту со своего чердака, загородили проход, куда он намеревался ринуться. Немало приятных слов было сказано в его адрес накрашенными губками, но он и не думал отвечать. Наконец ему удалось пройти, и он углубился в полумрак коридора, гудевшего от восхищенных возгласов восторженных почитателей. Одно имя перекрывало все шумы: «Дое! Дое!»

Следовавший за Раулем граф говорил себе: «Проказник знает дорогу!» – и задавался вопросом, каким образом он ее узнал. Сам он ни разу не приводил Рауля к Кристине. Тот,

надо полагать, приходил сюда один, пока граф, по своему обыкновению, оставался поболтать в фойе с Сорелли, часто просившей его побыть с ней до ее выхода на сцену, а иногда, из пристрастия к тиранству, отдававшей ему на хранение маленькие гетры, в которых она спускалась из гримерной, дабы обеспечить блеск своих атласных туфельек и безупречную чистоту трико. У Сорелли было извинение: она потеряла мать.

Итак, граф, отложив на несколько минут визит к Сорелли, следовал по коридору, который вел к Дое, отметив, что никогда еще не толпилось там столько посетителей, как в тот вечер, когда весь театр, казалось, был потрясен успехом артистки и ее обмороком. Ибо прелестное дитя все еще не приходило в сознание, и потому послали за доктором театра, который наконец прибыл, пробравшись сквозь взволнованные группы. За ним, не отставая ни на шаг, шел Рауль.

Таким образом, врач и влюбленный одновременно оказались рядом с Кристиной, от одного получившей первую помощь и открывшей глаза на руках у другого. Граф вместе со всеми остальными остался в дверях, где началась давка.

– Вам не кажется, доктор, что этим господам следует освободить гримерную? – спросил Рауль с невероятной смелостью. – Здесь нечем дышать.

– Вы совершенно правы, – согласился доктор и выставил за дверь всех, за исключением Рауля и горничной.

Та раскрыла глаза от удивления. Никогда прежде она его не видела.

Однако не решилась ни о чем расспрашивать.

А доктор вообразил, что если молодой человек поступал так, значит, имел на это право. И виконт остался в примерной, созерцая возвращавшуюся к жизни Дое, в то время как даже оба директора, господин Дебьенн и господин Полиньи, явившиеся выразить восхищение своей подопечной, были вытеснены в коридор вместе с чернофрачниками.

Граф де Шаньи, выброшенный, как и все остальные, в коридор, громко смеялся.

– Ах, проказник! Ах, проказник! – И мысленно добавил: «Вот и доверяй после этого юнцам, изображающим из себя святую невинность!»

Граф сиял. «Сразу видно, настоящий Шаньи!» – пришел он к выводу и направился в примерную Сорелли, но та спустилась в фойе вместе со своим маленьким табуном, дрожащим от страха, и граф, как уже говорилось, встретил ее по дороге.

А в примерной Кристины Дое послышался тем временем ее глубокий вздох, которому вторил чей-то стон. Повернув голову, она увидела Рауля и вздрогнула. Взглянув на доктора, она улыбнулась ему, потом перевела взгляд на горничную и снова на Рауля.

– Сударь! – обратилась Кристина к последнему пока еще едва слышно. – Кто вы?

– Мадемуазель, – отвечал молодой человек, встав на одно колено и запечатлев пылкий поцелуй на руке дивы, – маде-

маузель, *я тот самый маленький мальчик, который подобрал в море ваш шарф.*

Кристина опять взглянула на доктора и горничную, и все трое рассмеялись. Рауль, покраснев, встал.

– Мадемузель, если вам угодно не узнавать меня, я хотел бы сказать вам одну вещь наедине, очень важную вещь.

– Когда мне будет получше, сударь, хорошо?.. – Голос ее дрожал. – Вы очень любезны...

– Однако вам следует уйти, – добавил доктор с очаровательнейшей улыбкой. – Позвольте мне оказать помощь мадемузель.

– Я не больна, – заявила вдруг Кристина с весьма странной и столь же неожиданной решимостью. Поднявшись, она торопливо провела рукой по векам. – Благодарю вас, доктор!.. Мне необходимо побыть одной. Уходите все, прошу вас, оставьте меня... У меня сегодня нервы разыгрались...

Врач пытался было протестовать, но ввиду возбужденного состояния молодой женщины счел, что лучшее средство в подобном случае – не противоречить ей ни в чем. И он вышел вместе с Раулем, который остановился в коридоре в полной растерянности.

– Сегодня я просто не узнаю ее, – заметил доктор, – обычно она такая мягкая...

На том они и расстались.

Рауль остался один. Теперь эта часть театра опустела: должно быть, в танцевальном фойе началась церемония про-

щания. Рауль подумал, что Дое, возможно, тоже направится туда, и стал ждать в безмолвном одиночестве. Он даже нашел благоприятную тень в углу у двери, где и спрятался. На месте сердца по-прежнему ощущалась все та же боль. Именно об этом ему хотелось без промедления поговорить с Дое.

Внезапно дверь отворилась, и он увидел горничную, которая вышла с какими-то вещами. Он остановил ее, чтобы справиться о здоровье хозяйки. Она со смехом отвечала, что та чувствует себя хорошо, но только не следует ее беспокоить, потому что Дое желает побыть одна. И горничная убежала. В воспаленном сознании Рауля вспыхнула мысль: конечно же, Дое хотела остаться одна ради него!.. Разве не сказал он ей, что желает поговорить с ней наедине, и не в том ли причина, по которой она отослала всех? Едва дыша, он приблизился к гримерной и, прикинув ухом к двери в ожидании ответа, собрался постучать. Однако рука его тут же опустилась. Из гримерной до него донесся голос мужчины, говорившего необычайно властным тоном:

– Кристина, любите меня!

И горестный голос Кристины, в котором угадывались слезы, с дрожью отвечал:

– Как вы можете говорить мне это? *Мне! Ведь я пою только для вас!*

Рауль прислонился к стене – такой боли он еще не испытывал. Сердце, которое он считал потерянным навсегда, вернулось снова и громко стучало в груди. Весь коридор сотрясал-

ся от его ударов, оглушавших Рауля. Если сердце и дальше будет так стучать, его наверняка услышат и откроют дверь, и молодой человек будет с позором изгнан. Достоин ли это Шаньи! Слушать под дверь! Он сжал сердце двумя руками, чтобы заставить его замолчать. Но сердце – не собачья морда, и даже когда держишь морду собаки обеими руками – собаки, которая невыносимо громко лает, – ворчание ее все равно слышно.

– Вы, должно быть, очень устали? – продолжал мужской голос.

– О! Сегодня я отдала вам всю душу и осталась без сил.

– Твоя душа прекрасна, дитя мое, – снова послышался низкий голос мужчины, – и я благодарю тебя. Вряд ли найдется император, который получил бы подобный дар! *Ангелы плакали сегодня вечером.*

Рауль между тем и не думал уходить, но, опасаясь, что его могут увидеть, забился в свой темный угол, решив дождаться там, пока мужчина выйдет из гримерной. В одно и то же время ему довелось узнать любовь и ненависть. Он понял, что любит. И хотел знать, кого ненавидит.

К его великому изумлению, дверь открылась, и Кристина Дое, закутавшись в меха и опустив на лицо вуаль, появилась одна. Она закрыла дверь, но, как отметил Рауль, не заперла ее на ключ. Кристина прошла мимо. Он даже не следил за ней, ибо взгляд его был прикован к двери, которая больше не открывалась. Коридор снова опустел. Он пересек его, от-

крыл дверь в примерную и тотчас закрыл ее за собой, очутившись в полной темноте. Газовый рожок погасили.

– Здесь кто-то есть! – громким голосом сказал Рауль. – Зачем прятаться? – Произнося эти слова, он по-прежнему прислонялся спиной к закрытой двери.

В ответ – тьма и молчание. Рауль не слышал ничего, кроме собственного дыхания. Он наверняка не отдавал себе отчета в том, что нескромность его поведения превосходила все допустимые границы.

– Вы не выйдете отсюда, если я не позволю! – воскликнул молодой человек. – Если вы не ответите мне, значит, вы – трус! Но я сумею разоблачить вас! – И он чиркнул спичкой.

Пламя осветило примерную. Там никого не было! Заперев предварительно дверь на ключ, Рауль зажег все лампы. Он заглянул в туалет, открыл шкафы, продолжая поиски, шарил по стенам вспотевшими руками. Ничего!

– Вот как! – сказал он вслух. – Неужели я схожу с ума?

Минут десять он стоял, прислушиваясь к шипению газа в тишине покинутой всеми примерной; он был так влюблен, что даже не подумал украсть какую-нибудь ленту, чтобы вдыхать аромат той, кого любил.

Рауль вышел, не зная, что делает и куда идет. В какой-то момент его сумбурного шатания в лицо ему пахнуло холодным ветром. Он очутился в самом низу узкой лестницы, по которой вслед за ним спускалась процессия рабочих, склонявшихся над подобием носилок, накрытых белой просты-

ней.

– Будьте любезны, где выход? – спросил он одного из этих мужчин.

– Вы же видите! Прямо перед вами, – ответил тот. – Дверь открыта. Но позвольте нам пройти.

Рауль машинально спросил, показывая на носилки:

– Что это?

– Это? – сказал в ответ рабочий. – Это Жозеф Бюке, которого нашли повесившимся в третьем подвальном этаже, между стропильной фермой и декорациями «Короля Лагорского».

Рауль посторонился, пропуская процессию, поклонился и вышел.

**Глава 3,
в которой господин Дебьенн
и господин Полиньи впервые
сообщают по секрету новым
директорам Оперы господину
Арману Моншармену и
господину Фирмену Ришару
истинную, но таинственную
причину своего ухода из
Национальной академии музыки**

Тем временем началась церемония прощания.

Я уже упоминал, что это великолепное торжество устроено было по случаю ухода из Оперы господина Дебьенна и господина Полиньи, которые пожелали умереть, как принято говорить сегодня, красиво.

В осуществлении этой безупречной похоронной программы им помогали все, кто что-нибудь значил в ту пору в парижском обществе и искусстве.

И весь этот люд должен был собраться в танцевальном

фойе, где Сорелли с бокалом шампанского в руке и заученной коротенькой речью ожидала отставных директоров. Позади нее теснились молодые и старые подружки из кордебалета, одни тихонько обсуждали события дня, другие незаметно подавали условные знаки своим друзьям, говорливая толпа которых окружила буфет, расположившийся на покатых подмостках между воинственным и сельским танцами господина Буланже.

Некоторые танцовщицы уже облачились в городские наряды; большинство же оставалось в легкихгазовых юбках; но все они почитали своим долгом принять соответствующее обстоятельством выражение лица. Одна лишь крошка Жамм, чьи пятнадцать весен – счастливый возраст! – казалось, уже забыли беспечно и о Призраке, и о смерти Жозефа Бюке, не переставала тараторить, болтать, подпрыгивать, подшучивать, так что, когда господин Дебьенн и господин Полиньи показали на ступенях танцевального фойе, ее сурово призвала к порядку сгоравшая от нетерпения Сорелли.

Все отметили: вид у отставных директоров был веселый, что в провинции никому не показалось бы естественным, зато в Париже это сочли проявлением очень хорошего вкуса. Никогда не стать парижанином тому, кто не научится скрывать скорбь под маской радости и набрасывать черную полумаску грусти, скуки или безразличия на тайное ликование! Если вы узнаете, что у кого-то из ваших друзей неприятности, не пытайтесь его утешить – он скажет, что уже утешился;

если же у вашего друга случилось радостное событие, воздержитесь от поздравлений – выпавшая удача кажется ему вполне естественной, и он удивится, когда вы заговорите об этом.

Париж – это нескончаемый бал-маскарад, и такие «сведущие» люди, как господин Дебьенн и господин Полиньи, ни за что не совершили бы ошибки, да к тому же в танцевальном фойе, показав свою печаль, которая, несомненно, была истинной. И они всю уже улыбались Сорелли, произносившей приветственную речь, когда восклицание этой сумасшедшей дурочки Жамм смело директорскую улыбку столь неожиданным образом, что взорам присутствующих открылись прятавшиеся под ней лики безутешной тоски и страха.

– Призрак Оперы!

Жамм выкрикнула эту фразу с невыразимым ужасом в голосе, указав пальцем на затерявшееся среди толпы черных фраков мертвенно-бледное лицо, до того мрачное и безобразное, с черными провалами глазниц до того глубокими, что череп, на который указали таким образом, немедленно возымел бешеный успех.

– Призрак Оперы! Призрак Оперы!

Все смеялись, толкали друг друга, желая предложить выпить Призраку Оперы, но тот уже скрылся! Он проскользнул в толпе, и напрасно все кинулись искать его, пока два старых господина пытались успокоить крошку Жамм, а крошка Жири кричала как оглашенная.

Сорелли была в ярости; ей не удалось закончить свою речь; поцеловав и поблагодарив ее, господин Дебьенн и господин Полиньи исчезли столь же быстро, как и Призрак. Никто этому не удивился, ибо все знали, что точно такая же церемония предстояла им этажом выше, в музыкальном фойе, и что наконец они в последний раз собирались принять своих близких друзей в большом вестибюле директорского кабинета, где тех ожидал настоящий ужин.

Там-то мы и встретимся с ними вновь, равно как и с новыми директорами господином Арманом Моншарменом и господином Фирменом Ришаром.

Первые едва знали вторых, что отнюдь не помешало им рассыпаться в громогласных выражениях дружеских чувств, а те в ответ не скупились на комплименты; таким образом, приглашенные, с опаской ожидавшие несколько унылого вечера, тут же возрадовались. Ужин прошел почти весело, и прозвучал не один тост, причем представитель от правительства проявил такую небывалую ловкость, объединив славу прошлого с успехами будущего, что вскоре среди гостей воцарилось редкостное воодушевление. Передача директорских полномочий произошла накануне с предельной простотой, вопросы, которые оставалось урегулировать между бывшей и новой дирекцией, разрешились под руководством правительственного представителя в обстановке величайшего стремления к согласию и с той, и с другой стороны, так что, по правде говоря, в тот достопамятный вечер нече-

го было удивляться при виде четырех улыбчивых директорских лиц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.